

Катя Литтл

Курсовая работа

Иуда Андреева: Представляя альтернативного Иуду Искарюта в “Иуде Искарюте и других”

Введение

“Иуда Искарют”, написанный Леонидом Андреевым в 1906 году, является одним из нескольких рассказов писателя, которые пересказывают истории нового завета, и одним из самых известных рассказов автора. Рассказ исследует библейскую фигуру Иуды Искарюта и его отношения с Иисусом, апостолами и другими фигурами в библейском ландшафте. История Иуды — апостола Христа, который предал его римским властям за тридцать сребреников, а затем, осознав, что он “[предал] кровь невинную” (От Матфея 27:4), повесился, — не рассматривается глубоко в большинстве теологических текстах. Вместо этого она рассматривается либо как механизм распятия Иисуса — простое объяснение того, как он попал из пункта А в пункт Б, — либо как мораль против жадности, которая может заставить кого-то предать другого ради денег, или отчаяния от невозможности милосердия, которое приведет его к самоубийству без раскаяния. Андреев, с другой стороны, исследует рассказ Иуды ради нее самой, рассматривая его не как объяснение или моральный урок, а как исследование характера любимого апостола Христа, который впоследствии предаст его. Чтобы сделать это, Андреев исследует роль Иуды среди последователей Христа и его отношения с другими, его предательство Иисуса и его самоубийство после смерти Христа. В конечном итоге Андреев приходит к выводу,

что Иуда — персонаж, чья вера была столь непоколебима, что он был готов осудить себя, чтобы облегчить жертвоприношение Христа.

Отличие Иуды Андреева от Иуды теологии

Ни один рассказ о характере Иуды Искарота не может быть составлен на основе его описаний в евангелиях. Только две вещи остаются неизменными: Иуда был одним из апостолов Иисуса Христа, и Иуда предал Иисуса Христа, что привело к его распятию. Андреев берет детали характера из разных евангелий: Иуда — вор, который крадет из денежки апостолов, как описано в Евангелии от Иоанна (12:4-6); он также предает Иисуса за тридцать сребреников (26:14-15), возвращает деньги после распятия Иисуса и вешается (27:3-5), все согласно Евангелию от Матфея. Что касается личной мотивации Иуды в рассказе, Андреев явно игнорирует Иоанна (13:27) и Луку (22:3), которые говорят, что Иуда был одержим Сатаной, и вместо этого черпает информацию из Марка и Матфея, которые ничего подобного не говорят и подразумевают, что Иуда предал Иисуса по собственной воле. Выбирая эти конкретные детали из Евангелий для своего пересказа, Андреев представляет Иуду несовершенным и глубоко человеческим, давая понять читателю, что цель рассказа — исследовать психологию персонажа и решения, которые он принимает, без осуждения.

Этот глубоко сфокусированный на персонаже анализ является разительным отходом от типичного использования рассказа Иуды Искарота на протяжении всей истории, которое было моральным или теологическим уроком. Ученый-теолог, Самуэль Леухли, выделяет два основных течения в христианской мысли относительно Иуды: одно,

которое явно определяет его как “олицетворение зла, прототип плохого, алчного и неверного, вора и убийцу худшего рода” (253), и более сочувственное течение, исследованное такими мыслителями, как Ориген, которое понимает его как доверенного апостола, который поддался искушению и продолжил наказывать себя за свое предательство, отчаявшись в Божьей милости за такое преступление. Выдающийся христианский мыслитель, Фома Аквинский, расширяет последнее мнение о смерти Иуды, утверждая, что “он был сделан отверженным, потому что умер без благодати” и “тот факт, что у него не было благодати, когда он умер, был вызван не нежеланием Бога дать ее, а его нежеланием принять ее...” (6:2:11). Такие анализы действий Иуды иллюстрируют общее стремление рассматривать рассказ Иуды Искарота как басню о жадности, предательстве и отчаянии. “Иуда Искарот и другие”, с другой стороны, могут рассматриваться как анализ Иуды, который вместо этого интересуется нюансами человеческого существа, доведенного до таких моральных и духовных крайностей.

Иуда, апостол

Иуда Андреева определяется его двойственной природой: он лжец, оскорбленный ложью, принятый Иисусом, и которому не доверяет большинство других апостолов, и одновременно, человек, который сильно любит Иисуса, несмотря на то, что ему пришлось бросить свою жену. Эта двойственность настолько неотъемлема от его характера, что отражается на его внешности и манерах, которые на протяжении всей истории являются источником постоянного раздражения, страха или недоверия для тех, кто с ним общается. Его “голос переменчивый: то мужественный и сильный, то крикливый, как у старой

женщины, ругающей мужа, досадно-жидкий и неприятный для слуха”. Его деформированный череп, “точно разрубленный с затылка посторонним ударом меча и вновь составленный, он явственно делился на четыре части”, “[внушает] недоверие, даже тревогу: за таким черепом не может быть тишины и согласия, за таким черепом всегда звучит шум кровавых и беспощадных битв”. Самым заметным и отталкивающим других персонажей является его лицо:

...одна сторона его, с черным, остро высматривающим глазом, была живая, подвижная, охотно собиравшаяся в местах кривых морщинок. На другой же не было морщин, и была она мертвенно-гладкая, плоская и застывшая; и хотя по величине она равнялась первой, но казалась огромною от широко открытого слепого глаза.

Его появление сопровождается репутацией вора, презираемого и отвергаемого даже другими ворами, а также, склонностью ко лжи.

Лгал Иуда постоянно, но и к этому привыкли, так как не видели за ложью дурных поступков, а разговору Иуды и его рассказам она придавала особенный интерес и делала жизнь похожею на смешную, а иногда и страшную сказку.

По рассказам Иуды выходило так, будто он знает всех людей, и каждый человек, которого он знает, совершил в своей жизни какой-нибудь дурной поступок или даже преступление. Хорошими же людьми, по его мнению, называются те, которые умеют скрывать свои дела и мысли; но если такого человека обнять, приласкать и выпросить хорошенько, то из него потечет, как гной из проколотой раны, всякая неправда, мерзость и ложь. Он охотно сознавался, что иногда лжет и

сам, но уверял с клятвой, что другие лгут еще больше, и если есть в мире кто-нибудь обманутый, так это он, Иуда.

Этот интерес ко лжи, похоже, не проистекает из потребности скрываться от других или манипулировать ими: на самом деле Иуда, похоже, глубоко озабочен необходимостью истины. Эта противоречивая натура делает его подозрительным по отношению к другим. Иисуса предупреждают о том, что Иуда — “человек очень дурной славы и его нужно остерегаться”, и введение Иуды в ближайшее окружение Иисуса вызывает неприятную реакцию и замешательство: “даже люди, совсем лишенные проницательности, ясно понимали, глядя на Искарота, что такой человек не может принести добра, а Иисус приблизил его, и даже рядом с собою — рядом с собою посадил Иуду”. Апостол Иоанн — один из таких людей, который сильно не доверял Иуде с самого начала истории и отталкивал его до самого конца, поскольку “не было сомнения для некоторых из учеников, что в желании его приблизиться к Иисусу скрывалось какое-то тайное намерение, был злой и коварный расчет.”.

Его отношения с апостолами Петром и Фомой превосходят физическое и духовное безобразие, которым характеризуется Иуда. Дружелюбный и добродушный Петр приветствует его в группе, несмотря на его безобразие, и шутит, что Иуда напоминает ему осьминогов, которых он видел, будучи рыбаком, и говоря, что “это ничего, что у тебя такое скверное лицо: в наши сети попадают еще и не такие уродины, а при еде-то они и есть самые вкусные”. Любящий правду Фома вовлекает его в постоянные дебаты, разбирая его истории и настаивая на честных, связных ответах от Иуды, чтобы подтвердить или опровергнуть то, что он говорит. Отношения с апостолами не лишены конфликтов: в какой-то момент Петр физически нападает на Иуду после того, как его обнаруживают

укравшим несколько динариев из копилки, а Фома постоянно раздражает Иуду своим отстаиванием идеальной, логической истины. Однако именно эти конфликты побуждают Иуду проявить свою лучшую натуру: искренность Петра заставляет Иуду признать, что он любит Иисуса, а допрос Фомы заставляет его указать на то, что он не доверяет способности апостолов адекватно понимать учение Иисуса. И несмотря на то, что Петр и Фома видят недостатки Иуды и предлагают ему дружбу, Петр подталкивает Иуду к, своего рода, духовной красоте, а Фома — к честности.

Иуда, предатель

В основе двойственной натуры Иуды лежит его понимание учения Христа через его собственный грех — Иуда следует за Иисусом, потому что понимает по опыту, что если бы не было греха, не было бы нужды в божественном милосердии — и его готовность сделать все для Иисуса включает осуждение себя на позор. В разговоре с Марией Магдалиной Иуда напоминает ей о ее прошлом как проститутки. Она стыдиться, говоря, что это грех, о котором она хочет забыть. Иуда отвечает:

Тому страшно, кто греха еще не совершал. А кто уже совершил его, — чего бояться тому? Разве мертвый боится смерти, а не живой? А мертвый смеется над живым и над страхом его.

Иуда в своем разговоре с Марией открывает нечто о своей вере в Иисуса и любви к нему, чего он не раскрывает ни одному другому персонажу в рассказе: он утверждает, что, познав боль греха, человек, наконец, открывает себя для познания Христа.

Этот диалог проливает свет на понимание Иудой своей роли апостола. В какой-то момент истории Фома обвиняет его в краже денег у группы, на что Иуда отвечает:

Если бы я не украл три динариева, узнал бы Иоанн, что такое восторг? И разве не приятно быть крюком, который вывешивает для просушки: Иоанн — свой отсыревший добродетель, Фома — свой ум, поеденный молью?

Иуда не боится греха. Поэтому он из любви ко Христу готов превратить себя в орудие искупления других людей — как он говорит, “крюк, на который вывешивает для просушки” черты других людей. Он берет на себя задачу передать Иисуса властям для принесения в жертву. Когда он смотрит в глаза Иисусу во время проповеди и понимает, что он должен делать, он яростно сопротивляется этому, плачет и спрашивает Фому, почему Иисус не любит его из всех учеников. Он, тем не менее, выполняет это:

И был вечер, и вечерняя тишина была, и длинные тени легли на землю — первые острые стрелы грядущей ночи великого боя, когда прозвучал печальный и суровый голос. Он говорил:

— Ты знаешь, куда иду я, господи? Я и предаду тебя в руки твоих врагов.

И было полное молчание, тишина вечеров и резкие, черные тени.

— Ты молчишь, господи? Ты прикажешь мне идти?

И снова молчание.

— Позволь мне остаться. Но ты не можешь? Или не смеешь? Или не хочешь?

И снова молчание, огромное, как глаза вечности.

— Но ведь ты знаешь, что я люблю тебя. Ты все знаешь. Почему ты так смотришь на Иуду? Велика тайна твоих прекрасных глаз, но разве моя — меньше? Повели мне остаться!.. Но ты молчишь, ты все молчишь? Господи, господи, потому ли в тоске и муках я искал тебя всю свою жизнь, искал и нашел! Освободи меня. Сними тяжесть, она тяжелее гор и свинца. Разве ты не слышишь, как трещит под нею грудь Иуды из Кариоты?

И последнее молчание, бездонное, как последний взгляд вечности.

— Я иду.

Хотя Иисус — персонаж, который никогда не говорит напрямую в рассказе, и описывается через то, как его ученики относятся к нему, — не ведет диалога, смысл этой сцены, в контексте более раннего осознания Иудой, заключается в том, что Иисус возложил на Иуду задачу облегчить его арест и казнь. После ареста Иисуса Андреев описывает и его, и Иуду как зеркала страданий друг друга:

...среди всей этой толпы были только они двое, неразлучные до самой смерти, дико связанные с общностью страданий, — тот, кого предали на поругание и муки, и тот, кто его предал. Из одного кубка страданий, как братья, пили они оба, преданный и предатель, и огненная влага одинаково опала чистой и нечистой усталостью.

Для того чтобы вещи можно было вывешивать сушиться, должен существовать крючок, и Андреев утверждает, что Иуда очень похожим образом надевает необходимую мантию. Как отмечает ученый, Патрик Уайз: “И [Христос], и [Иуда] являются необходимыми действующими лицами в историях друг друга: истории Христа нужен

Иуда, так же как истории Иуды нужен Христос” (31). В этой необходимости Андреев находит в Иуде двусмысленность, которая не обязательно может его искупить, но уж точно — не осуждает. Иуда так сильно любит Христа, что готов сделать все, чтобы помочь ему достичь своих целей, включая помощь в его осуждении и смерти. Эти поступки являются выражением истины именно потому, что они внешне безнравственны, поскольку Иуда готов отдать свою бессмертную душу, чтобы поддержать то, что хочет сделать Иисус. Такая вера описана философом, Сёреном Кьеркегором, в “Страхе и трепете”, где он рассуждает о том, как Авраам был готов убить собственного сына ради Бога. Возможно, утверждает Андреев, что Иуда делает еще один шаг и действительно совершает преступление.

Иуда, повешенный

Иуда не только следует за Иисусом, но, как он признается Петру, любит его. Его самоубийство подтверждает, что Иуда не только любит Христа, но и любит его, исключая все остальное: включая самого себя, и тот факт, что он не может жить в мире без него. Ему это хорошо известно: в повествовании отмечается, что перед самоубийством Иуды он “давно уже, во время своих одиноких прогулок, наметил то место, где он убьет себя после смерти Иисуса”. Он не освобождает и других от идеи, что не имеет смысла жить без Иисуса, и доказывает другим апостолам, что им следовало бы умереть, пытаясь спасти Иисуса от римских солдат, пришедших арестовать и распять его:

— Разве ты не видишь, что в него вселился Сатана? Отойди от нас, искушитель. Ты полон лжи! Учитель не велел убивать.

— Но разве он запретил и вам умирать? Почему же вы живы, когда он мертв? Почему ваши ноги ходят, ваши языки болтают дрянное, ваши глаза моргают, когда он мертв, недвижим, безгласен? Как смеют быть красными твои щеки, Иоанн, когда его бледны? Как смеешь ты кричать, Петр, когда он молчит? Что делать, спрашиваете вы Иуду? И отвечает вам Иуда, прекрасный, смелый Иуда из Кариота: умереть. Вы должны были пасть на дороге, за мечи, за руки хватать солдат. Утопить их в море своей крови — умереть, умереть! Пусть бы сам Отец его закричал от ужаса, когда все вы вошли бы туда!

Мысль о том, что кто-то может продолжать жить без Христа, невыносима для Иуды. Здесь существует еще одно противоречие внутри него: он был готов предать Христа и облегчить его жертву, подразумевая, что это было сделано по велению Христа, однако затем критикует других за то, что они не пытались предотвратить эту жертву, даже когда им было приказано этого не делать. В нем сосуществуют обе мысли: что последователи Христа не должны жить, когда Христос мертв, но что он сам осудил Христа на смерть. Единственный способ, которым Иуда может разрешить это противоречие — это самоубийство. Эти двойственные чувства отражены в том, как он разговаривает со Христом перед тем, как повеситься:

— Нет, они слишком плохи для Иуды. Ты слышишь, Иисус? Теперь ты мне поверишь? Я иду к тебе. Встреть меня ласково, я устал. Я очень устал. Потом мы вместе с тобою, обнявшись, как братья, вернемся на землю. Хорошо?

Опять качал каменеющей головою и опять широко раскрывал глаза, бормоча:

— Но, может быть, ты и там будешь сердиться на Иуду из Кариота? И не согласишься? И в ад меня пошлешь? Ну что же! Я пойду в ад! И на огне твоего ада я буду ковать железо и разрушу твое небо. Хорошо? Тогда ты согласишься мне? Тогда пойдешь со мною назад на землю, Иисус?

Он умоляет Христа вернуться, показывая желание быть рядом со своим любимым учителем, которое превосходит все остальные, включая любое чувство самосохранения. Иуда пожертвовал тем, кого любил больше всего, прекрасно зная, что не сможет пережить его, даже понимая последствия смертного греха, такого как самоубийство.

Заключение

Рассказ “Иуда Искарот и другие” избегает простых классификаций; как и его титульный персонаж, он не поддается черно-белым моральным суждениям и упивается противоречиями. Андреев никоим образом не прощает персонажа: Иуда неприятен для воображения, жесток практически в каждом взаимодействии и воинственен, даже когда к нему обращаются с явно добрыми намерениями. Его предательство Иисуса настолько инстинктивно и ужасающе, что читателю нетрудно усомниться, вместе с Иудой, является ли рай вообще вариантом для него. Однако, что важно, Андреев также не осуждает Иуду, разбрасывая детали, которые указывают читателю, что Иуда, возможно, действовал в соответствии с желаниями Иисуса. Для автора гораздо важнее убедиться, что персонаж, хотя и сложен, тем не менее последователен. Повествование Андреева резко выделяется среди типичных прочтений Иуды, потому что истина, которую оно ищет, не религиозна, а психологична. Персонаж, который переживает такие крайности — переход от близкого

апостола к предателю — по сути требует психологического нюанса. Этот нюанс требует терпения от читателя, особенно того, кто, возможно, больше привык к моралистическому прочтению истории: неловко представлять себе Иуду Искарюта, который никогда не перестает любить Иисуса, потому что это означает, что предательство также может быть совершено из любви.

Библиография

Аквинский, Фома. *Дискуссионные Вопросы Об Истине*. 1259,

<https://isidore.co/aquinas/english/QDdeVer.htm>.

Андреев, Леонид. *Иуда Искаримот*. 1907, <https://ilibrary.ru/text/1203/index.html>.

“Библия Онлайн.” *Азбука Веры*, <https://azbyka.ru/biblia/>.

Кьеркегор, Сорен. *Страх и Трепет*. Translated by У Лоури, 1843,

https://www.jrbooksonline.com/PDF_Books_added2009-2/FearAndTrembling.pdf.

Леухли, Самуэль. “Интерпретация Оригена Об Иуде Искаримоте.” *История Церкви*, vol. 22, no. 4, Dec. 1953, pp. 253–68. *DOI.org (Crossref)*,

<https://doi.org/10.2307/3161779>.

Уайз, П. «Плавное Скользящее Образы»: Словесные и Зрительные Образы Леонида Андреева. 2017. Университет Северной Каролины в Чапел-Хилле,

<https://cdr.lib.unc.edu/downloads/rx913v22d>.